Невдалеке от Полтавы находился аэродром. Сюда я приехала по заданию редакции газеты шестого корпуса ПВО «Сталинский боец». В командировку позвала новость: прилетели и разместились здесь американские бомбардировщики — «подарок» второго фронта.

Массивные черные самолеты напоминали сказочных драконов — взлетят и закроют небо, оглушат ревом, из чрева вырвутся громы и молнии… А пока они стояли на зеленом поле неуклюжие, немые. Их оберегали готовые взмыть в небо наши истребители и… краса земная — девушки-зенитчицы, дальномерщицы, прожектористки, представительницы других служб, без которых не обойтись ни в бою, ни в повседневном солдатском быту.

Июньская земля цвела. Полевой дух опьянял. Хотелось прильнуть к траве, раскинуть руки, подставить лицо солнцу и повторять: «Жить, жить, жить!»

Свободные от дежурства девушки занимались личными делами: кто чистил оружие, кто пришивал чистый подворотничок к гимнастерке, кто читал книгу, кто писал письмо… И вдруг, как порыв ветра, пронеслось:
— Корреспондент приехал!

В землянку сбежались любопытные. Порадовало единодушное гостеприимство, которым я намеревалась воспользоваться для сбора фактов в заказанную редакцией статью — о службе, мужестве, подвиге. Но разговор настроился на иной лад: вырвалось сокровенное, потаенное из мирной жизни — былой и будущей. Получился вроде как маленький неожиданный праздник.

— Смотрите, Маша надела бальное платье! Загляденье! — Маша схватила подругу за руки, и обе закружились в безмолвном вальсе…

Все знали: Маша пошла в военкомат вместе со своими одноклассниками прямо с выпускного бала. Ребята уговорились: оставшиеся в живых обязательно соберутся на прерванный войною вечер. На «военную службу» Маша взяла и бальное платье, объясняя свой поступок себе и подругам так:

— Убьют — пусть похоронят в нем, вернусь невредимой — подвенечным станет, не всех же парней перебьют, ироды проклятые!

У Кати, чернобровой, с ямочками на щеках девушки, в руках оказались фотографии — тоже взяла «на службу».

— Это мы, пионервожатые, с детьми на берегу Черного моря, — объясняла она. — Сейчас не верится, что так было счастливо, безмятежно. А это мой друг, где-то воюет… Он мне бросал букеты цветов в открытое окно, аж на третий этаж, и ни разу не промахнулся! Со мною и мамочка моя, на снимке — актриса, в жизни — учительница начальных классов. Видели бы вы, как детвора увивалась возле нее, часто гурьбой провожала домой. Где она сейчас? Не знаю… Встретимся, скажу: «Как ты, буду учительницей».

В землянку вошла девушка с броской внешностью — белокурая, голубоглазая, с румянцем на щеках. Все радостно загалдели.

— Наша Надя, дальномерщица. Определяет высоту, разгадывает другие хитрости вражеских асов. Делает это безошибочно, с точностью… стихотворной строфы. Ах, какие стихи сочиняет!

— Почитай, Надюша. Не отмахивайся.

— Милые подружки, прежние вы слышали, новые не сложились. Разрешите обратиться, товарищ лейтенант, к вам. Расскажите, как вы стали журналистом…

Все взоры обратились ко мне, я не сразу нашлась с ответом. Действительно, почему и как? Сверкнул лучик детства, и я повела за ним собеседниц.

— Представьте длинную зимнюю ночь. В украинской мазанке под соломенной крышей светится огонек керосиновой лампы. Молодая женщина прядет серебристую коноплю. Воркует прялка. Ее заглушает мужской голос: отец читает маме и мне, малолетке, страшную сказку о Вое. А мне совсем не боязно. Приворожила книжка!

Ранним утром на цыпочках, чтобы не разбудить родителей, я взяла ее со стола, раскрыла… Со страниц глянули на меня ровные рядочки букв, черточки, палочки, точечки… Кто их придумал? Как их понять? Спрошу у батька, как делают книжки… Мне бы научиться… Видно, то была подсказка самой судьбы.

— Вы верите в судьбу? — поинтересовался кто-то из девушек.

— Скорее, покоряюсь зову судьбы. Хотите проверим? Когда заканчивала школу, отец, познавший с семьей людоедский голод на Украине, внушал мне: «Поступай в мясомолочный институт, специальность сытная, никогда голодной не будешь». Учителя и одноклассники в актрисы прочили — все, мол, данные есть: хорошо поешь, танцуешь, за красавицу сойдешь, да еще с аттестатом отличника на руках… Удивились,

когда подала документы в Харьковский институт журналистики. Успела окончить первый курс, побывать на практике в районной газете. Война сбила с дороги. Попросилась на фронт. Направили в войска ПВО, рядовым солдатом, участвовала в обороне Кавказа. Вмешалась судьба — «выловили» меня в кадровых списках и предложили работу в газете. И вот я перед вами…

— Вы больше пишите о девушках в шинелях, — заметила Надя, — нам нравятся ваши публикации. Но ведь не все знают, что за подписью — Н. Лымарь — женское имя, Нина, и отцовская фамилия… А для читательниц важно, что вы — наша… из нашего «племени»…

— О нас напишете? — задорно сверкнула глазами Маша.

— Напишу о вашем настроении, желании скорее победить врага и вернуться домой, к мирной жизни, задуманным делам… И обрести взаимную любовь…

— Не забудьте прислать газету, — сказала Надя, — может быть, и я решусь предложить свои стихи.

Мы расстались друзьями. Заночевала в Полтаве. Проснулась ночью от воя сирены и жуткого грохота. На аэродром налетели немецкие бомбардировщики. Неистово палили зенитки. Лучи прожекторов рассекали небо. Взрывались бомбы. Зловеще пылало зарево. Жители города попрятались в укрытия. Самые бесстрашные бросились на помощь раненым. Их размещали в зданиях и даже под уличными деревьями. В местной школе действовал госпиталь. Я очутилась у двери одного из классов. О боже, Надя! Она лежала на кровати, под простыней… без обеих ног. Бескровное лицо, белокурые волосы разметались на подушке… Я мысленно сотворила свою молитву: «Милая, хорошая, выживи, окрепни духом! Само твое имя — Надежда — животворно. У тебя есть и будут стихи… Выдюжи!»

Девушка находилась в забытьи. Встретилась с глазами парня. Он лежал под деревом. Лицо его — сплошное ожоговое месиво… Его способна узнать только мать. Подумала: «А ведь такое могло случиться и со мною, если бы задержалась на аэродроме».

Число жертв налета определить трудно. Фугаски сжигали все подряд. Немецкие летчики применили и коварную новинку — сбросили магнитные бомбы, они, как лягушки, прыгали к металлу. Прикоснувшись к самолету, зенитке, взрывали их.

Я опубликовала материал с жуткой командировки. Но послать газету было некому. Что

стало с Машей и ее бальным платьем — не знаю. Видно, не суждено девушке стать невестой, женой, матерью…

В тот день при бомбежке погиб и корреспондент «Правды» Петр Лидов, автор знаменитого первого в военные годы очерка о Зое Космодемьянской, фотокорреспондент «Правды» Сергей Струнников и корреспондент «Известий» А. Кузнецов.

Недавно живущие ныне сотоварищи по перу поставили памятник погибшим журналистам во дворике Центрального Дома журналистов. На нем начертаны симоновские строчки: «С лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом сквозь огонь и стужу мы прошли»… Их я воспринимаю как журналистский гимн старшего, воевавшего поколения.